Ткаченок А.

13/III-86

■ 13 марта 1986 г. ● Знамя юности

„ЗНАМЯ ЮНОСТИ"
г. Минск

Штрихи к портрету актера

...ВСЕ БЫЛО кончено. Счастливчики, которые прошли второй тур, шумно ликовали здесь же, в коридорах театрально-художественного института. Абитуриента Саши Ткаченка в списках допущенных к третьему туру не было. В каком-то оцепенении он вышел из прохладного полумрака институтского вестибюля на июньский солнцепек, добрел до ближайшей остановки и сел в первый попавшийся троллейбус. Долго кружил по городу, пересаживаясь на конечных остановках в незнакомых микрорайонах, снова и снова пытался осознать, смириться: «Ну срезался, не повезло. Бывает...»

Когда, наконец, поздно вечером вернулся домой, то на безмолвный вопрос родителей сбивчиво, с отчаянием, выкрикнул: «Я все равно буду актером!»

Наверное, читатель ждет, что дальше последует рассказ о том, что в следующий раз Ткаченок блестяще прошел три тура и стал образцовым студентом. Но жизнь избегает штампов. Когда, отслужив армию, Саша Ткаченок вновь предстал перед приемной комиссией Белорусского театрально-художественного институтa, шансов поступить у него было немного. Курс набирал Владимир Андреевич Маланкин, тот самый Маланкин, которому Ткаченок не приглянулся еще тогда, два года назад. Уже потом, когда Саша все-таки стал студентом, Владимир Андреевич долго и настороженно присматривался к своему ученику и лишь через год сделал вывод: «У вас, Ткаченок, сложная индивидуальность. Вы будете играть либо много, либо ничего»...

Сегодня заслуженный артист республики Александр Ткаченок — один из ведущих актеров в труппе Государственного русского театра БССР имени Горького. Играет много. И в театре, и в кино, и на телевидении. Те давние волнения вспоминает без подходящей случаю снисходительной улыбки: переживал тогда серьезно.

БУДНИ И ПРАЗДНИКИ

— ...А не усомнились вы тогда в собственных возможностях, не появилась ли мысль уйти от театра и искать себя в другой профессии?

—ПРЕДСТАВЬТЕ, нет. Слишком глубоко сидела во мне уверенность именно в актерском призвании. Помню, в детстве всегда хотелось что-нибудь представить, как-нибудь рассмешить приятелей. В шестом классе записался в драмкружок, который вел в Доме пионеров бывший актер нашего театра Валерий Петрович Мороз. И, может, это покажется самонадеянностью, но именно там, на самодеятельной сцене, родилось чувство: я могу. Могу проникнуться чувством своего героя, могу удерживать внимание зрительного зала. Так что на вступительные я явился этаким доморощенным Актер Актерычем, за что справедливо поплатился. Хотя теоретически допускаю, что в то время я мог бы стать кем угодно. Ну, хотя бы электриком связи, эту профессию я освоил еще до армии. Однако юношеское честолюбие, самоуверенность — они от препятствий только разгораются. Вот и меня обуревало желание доказать, что я многое могу, что я способен. И не просто способен, а буду известным актером, буду, как говорится, потрясать зрительские сердца. Впрочем, кто из будущих актеров не лелеял такие честолюбивые замыслы? Жизнь потом все эти «прожекты» корректирует, но если этого нет, если все твои стремления, мечты о будущем не начинаются и кончаются одним словом «театр», наверное, просто не следует идти в нашу профессию. Поверьте, она весьма нелегка. Есть, конечно, люди одаренные, обладающие таким огромным запасом внутренней энергии, что свой путь в искусстве находят естественно и просто. Но я к ним не отношусь.

— Однако практически с самого первого дня в театре вам везло на хорошие роли: Жеронт — в «Единственном наследнике» Реньяра, Пичем — в «Трехгрошовой опере» Брехта, Фарятьев — в «Фантазиях Фарятьева» Соколовой, Лещ — в «Последних» Горького, Мольер — в «Жизни господина де Мольера» Булгакова...

—ДА, на роли мне везло. Вот только в какой мере они были удачные? Сколько из них я могу занести в свой актив? Три-четыре — не больше. Это роли, в которых **что-то** получилось. Удачной же в полном смысле слова работы, на мой взгляд, у меня пока еще не было. Даже в лучших, бывало, сегодня что-то получалось, а на следующем спектакле мог растерять уже то, что, казалось, нашел, выстроил. Может, в этом сказывается недостаточное владение профессией, а может, все дело в особенностях характера — я человек настроения.

— И все же, наверное, есть роли, которые вам особенно дороги.

— Есть. Но давайте не путать понятия. Для меня это совсем не обязательно роли удачные. Это, скорее, роли, которые давались с большим трудом, которые дорого стоили человечески и профессионально.

— Например?

— Тот же Мольер в спектакле «Жизнь господина де Мольера». Как сыграть знаменитого драматурга, как сыграть гения? Искать внешнюю характерность, возрастные особенности? Но это значило бы сыграть некоего пожилого господина, льстивого придворного, внешне чем-то напоминающего Мольера. Где главное, за что ухватиться? Помню, я суетился в любовных сценах, что-то наигрывал в первом акте и приходил в настоящее отчаяние, чувствуя, что получается из рук вон плохо. И вот репетируем финал... Там есть небольшая сцена с Бароном, своего рода предсмертная исповедь Мольера, в которой он подводит итоги своей непросто прожитой жизни. Он унижался, льстил сильным мира сего? Тысячу раз—да! Но все это ради него, ради «Тартюфа»! И вот в этой-то сцене я по-настоящему осознал человеческую трагедию моего героя, уловил для себя главное в этой роли. И потом уже, «откручивая» от финала, выстраивал все предыдущие сцены.

— Работая над ролью, вы прежде всего ищете момент сопереживания, эмоциональный «прорыв» в мир вашего героя?

—НЕ ВСЕГДА. Например, Пичем в «Трехгрошовой опере» начинался прежде всего с внешней пластики, даже конкретнее, с походки. Так же, как и Лещ в «Последних». Психологическую несостоятельность, внутреннюю ущербность этого человека режиссер предложил передать через внешнюю пластику. По его совету на репетициях я обувал два левых ботинка, и чисто физическое состояние неудобства, дискомфорта рождало и верное внутреннее самочувствие.

В разговоре небольшая пауза. Вспоминаю спектакли, о которых мы говорим. И, прежде всего, конечно, яркую и зрелищную «Трехгрошовую оперу» и острую, виртуозную пластику Пичема—Ткаченка, в которой предельно точно раскрывалась самая суть его героя, человека жалкого и страшного одновременно, человека, в котором неразрывно слились беззащитность и уверенная наглость от собственной безнаказанности. А как эффектно был решен «парад убожеств»! В самом хорошем смысле слова сольный номер, в котором Пичем—Ткаченок несколькими выразительными пластическими штрихами рисовал представителей многоликого мира профессионального нищенства. Актерское перевоплощение — штука, конечно, могущественная. И все-таки... Мой собеседник скуп на жесты. Говорит спокойно и тихо, без особого воодушевления. Сдержан, даже, пожалуй, немного скован. Суммирую собственные впечатления и стараюсь придать им форму осторожного вопроса.

— Александр Леонидович, существует мнение, что особенность актерской психологии такова, что даже реальную жизнь актер воспринимает по законам сцены. Словом, натура — это профессия, а профессия — это натура. А вот для вас лично, что такое актерство? В чисто человеческом плане.

—СЛОЖНЫЙ вопрос. Я думаю, что изначально в актерском творчестве, да и не только актерском, лежит способность остро и сильно чувствовать. Чувство страдания, личного, глубокого, обостряет способность сочувствовать, умение пропускать через себя радости и беды своих героев. Что и нужно актеру. Как сказывается на мне моя профессия? Есть, конечно, моменты отстраненности, взгляд на себя со стороны: сам себе и зритель и актер. Что-то переживаешь, а в то же время наблюдаешь, в чем же проявляется это самое переживание. Ага, вот жест, вот интонация, — когда-нибудь на сцене пригодится.

— А чем объяснить, что среди ваших театральных работ практически нет ролей современников? Вот и в текущем репертуаре: Освальд в «Привидениях» Ибсена, Актер в пьесе Горького «На дне», Петрок в «Знаке беды»... Поэтому, наверное, приглашение Вячеслава Сорокина сыграть главную роль в фильме «Жил-был доктор...», роль нашего современника, была приятной неожиданностью?

— Скорее, неожиданной радостью. Не так уж часто балуют нас вниманием режиссеры «Ленфильма». Для Сорокина это был дебют в игровом кино, и, конечно, он мог бы пригласить известных в кино актеров и подстраховаться, сделать то, что называется «звездный фильм». В том, что он выбрал меня, была известная доля риска. И, конечно же, я благодарен Вячеславу Сорокину за то, что он в меня поверил. Для меня как для актера очень важно, чтобы в меня поверили.

— Роль доктора Заостровцева — по сути дела, ваш дебют в большом кино, и дебют, скажем прямо, удачный. Об этой работе хорошо отзывалась критика, а на недавно прошедшем в Тбилиси фестивале молодежных фильмов вы были удостоены специального приза жюри за лучшую мужскую роль.

—ПРИЯТНО, что роль получилась. Приятно еще и потому, что мне по-человечески очень симпатичен Заостровцев. Шестнадцать лет он работает в глубинке, в поселковой больнице. А между тем в Ленинграде остались отец и друзья-сокурсники, которые могли бы помочь ему устроиться в жизни, что называется, попрестижней. Ведь были же у Заостровцева смелые планы, мечты о научной карьере. И в какой-то момент появляется искушение уехать, может, это последний шанс — ведь Заостровцеву почти сорок — что-то изменить в своей судьбе. Но искушение приходит и уходит, мой герой остается в своей глубинке. И вот это его негромкое мужество, порядочность, человеческая и профессиональная, меня лично очень подкупают.

— Были ли у вас профессиональные трудности в работе над фильмом? Ведь кино, как известно, имеет свою специфику, во многом отличную от театра.

— Наоборот. Театральный актер привыкает работать с полной эмоциональной отдачей, так, чтобы дошло до зрителей последнего ряда. В кино, где царствует крупный план, такой накал оборачивается перебором, фальшью. Смотришь потом отснятый материал, и становится ужасно стыдно. Тут лучше недоиграть, чем переиграть. И нередко после съемок я испытывал что-то вроде легкого неудовлетворения: как говорят актеры, эмоционально не потратился. Я по натуре актер прежде всего театральный.

— Вернемся к театру. Недавно вы отметили маленький юбилей — десять лет работы в труппе Русского драматического театра. Наверное, можно подвести какие-то итоги...

—МОЖЕТ, ЭТО покажется странным, но сегодня мне работать, пожалуй, труднее, чем когда-то в молодости. Честолюбие с годами не уходит. На голой технике работать не умею. Да и, честно сказать, не люблю «крутых профессионалов», которые все строят на технике. Чистенько же отчитать свой текст, без особых эмоциональных затрат, — не позволяет совесть. А представляете, сколько сил и энергии нужно для того, чтобы даже не потрясти душу современного зрителя, а хотя бы пробиться к этой самой душе? Зритель зрителю, конечно, рознь. Если он способен, если хочет мне сопереживать, я готов потратиться до донышка, отдать ему все, что есть у меня на сегодня. И такая самоотдача для актера — радость. Ну, а если нет, если зритель пришел с изначальным предубеждением: «Что вы там еще покажете? Ну-ну, посмотрим...»? Нужно с ним бороться, переубеждать, физические силы и душевный подъем могут уйти даже не на роль, а на эту борьбу. Впрочем, на сегодняшний день — это неотъемлемая часть нашей работы. Если хотите, наши будни. Праздники? К сожалению, они редки.

— Но я как зритель лучше помню именно праздники. Вот недавно состоялось пятисотое представление «Единственного наследника». Больше десяти лет спектакль не сходит со сцены — такое случается нечасто. Думаю, что успех спектакля, причем успех у самой широкой зрительской аудитории, во многом вызван и вашей актерской работой. Незатейливая история о том, как ловкий племянник обводит вокруг пальца скупого дядюшку, благодаря финальному прозрению вашего Жеронта оборачивается трагедией неправильно прожитой жизни.

—ЭТО была идея ставившего спектакль Владимира Андреевича Маланкина. Так что говорить можно лишь о том, насколько хорошо я этот замысел воплощал. И коль уж речь зашла о Владимире Андреевиче, не могу не сказать несколько слов о своем учителе. Он был хорошим режиссером, любил и умел работать с актером. Да и не только режиссером, он был способным педагогом. Он мог быть резким, пристрастным, даже необъективным. Однако все эти недостатки, а их, кстати, у всех нас хватает, отступали перед лицом главного: он был **человеком талантливым.** Авторитет его для нас, студентов, был огромен. Помню, он был со всеми на «вы», и вот, когда к четвертому курсу кое с кем он перешел на «ты», мы были счастливы и горды. Это «ты» говорило об особом расположении, сокращало дистанцию между нами и нашим мастером. Он был в лучшем смысле слова человеком театра, наш мастер. Всегда готовый к шутке, розыгрышам, импровизации. Както в разгар зимы он вырастил ландыш только для того, чтобы подарить на премьеру актрисе, игравшей в поставленном им спектакле. Я обязан ему бесконечно многим. Вкус, профессиональные навыки? Само собой. Но, наверное, не менее важен и тот след, который остается в душе от общения с человеком незаурядным.

Разговор подходит к концу, и мой собеседник не скрывает облегчения. «Вы видели мои роли в театре, кино — вот об этом и пишите. Там главная правда актера. А рассуждать о собственной профессии мне трудно. Да и не моя это работа. — И, помолчав, прибавляет: — Вообще-то я — человек застенчивый. Достоинство ли это для актера?..»

Мне кажется, да.

Н. КОСТЕРОВА.
Фото В. ДРАЧЕВА.